

Середина лета приносила лишь знойный, удушливый ветер, пропахший соленым потом и густым, смолистым ароматом камфорных деревьев.

Небо над северным городом вечно затягивало грязно-серым маревом, которое, казалось, не под силу разогнать даже полуденному солнцу. Сквозь деревянные рамы окон просачивался сухой, пыльный запах старой древесины.

В гримерке Чарльз вовсю сокрушался из-за недавнего отключения электричества. В тот вечер он как раз зажигал в клубе, и внезапный блэкаут напрочь испортил ему свидание.

Юй Сингэ, перебирая коробки в поисках запасных гитарных струн, зажал в зубах деревянную палочку от съеденного мороженого. Услышав причитания барабанщика, он обернулся и с улыбкой спросил:

— Ты ноешь уже который день. Неужели всё настолько плохо?

Чэнь Цин, пристроившийся неподалеку, со смешком поддакнул:

— А то как же.

Чарльз картинно вздохнул, но в его притворном сокрушении сквозило неприкрытое самодовольство:

— Куда вам, холостякам, понять.

Юй Сингэ не успел ответить — в дверях показался Чэн Цзие, переговаривающийся с Ду Цяо. Заметив, что тот направляется к нему, Сингэ расплылся в улыбке, а его взгляд моментально потеплел:

— Чэн-гэ!

Перед очарованием своего гитариста, подбежавшего к нему трусцой, Чэн Цзие устоять не мог. Ду Цяо со стороны заметила, как мгновенно переменился её обычно невозмутимый друг: он тут же выпрямился, а в его взгляде вспыхнула мягкая нежность. Он взъерошил мягкие кудри Юй Сингэ:

— Нашёл струны? Если нет, у меня в кофре есть запасные.

Заметив, что парень по своей дурной привычке продолжает мусолить во рту деревянную палочку, Чэн Цзие не выдержал, потянулся и мягко забрал её у него. В глубине его темных глаз на миг промелькнуло сложное, едва уловимое чувство.

Застывший неподалеку Чарльз, который точно так же грыз свою палочку, так и замер с открытым ртом.

Юй Сингэ продемонстрировал пластиковую коробку:

— Да, отыскал.

Ду Цяо понимающе и ярко усмехнулась, отчетливо ощутив себя здесь лишней:

— Что ж, тогда я пойду. Все дела с клубом я уладила, а позже к вам заглянет продюсер — обсудите дальнейшие шаги.

Она задорно подмигнула ребятам.

За годы работы хозяйкой бара она навидалась всякого. Сначала у неё возникли лишь смутные подозрения, но стоило ей аккуратно расспросить Чэн Цзие, как тот без лишних увиливаний выложил всё начистоту. Ду Цяо, успевшая повидать в жизни немало штормов, быстро смирилась с увлечением своего близкого друга.

Правда, она сильно сомневалась, что его излюбленная тактика «тихой сапой» сработает с этим кудрявым чудом. Слишком уж Чэн Цзие действовал деликатно и неторопливо — так и всю жизнь можно в нерешительности провести.

Тем временем Чарльз мысленно сокрушался: почему их солист никогда не проявляет к нему такой трогательной заботы? Как только в гримерку вошел басист, Чарльз тут же излил ему душу.

Ли Гу, обладатель лисьего разреза глаз, выслушал его жалобы без привычного пренебрежения. Он искоса взглянул на барабанщика и после недолгих колебаний спросил:

— Неужели ты правда не замечаешь, что между ними давно творится что-то странное?

Чэнь Цин, примостившийся рядом, бросил взгляд на шепчущихся над партитурой парней и с улыбкой добавил:

— Бесполезно спрашивать Чарльза. Этот дуб даже не заметил, что они недавно умудрились поссориться и несколько дней не разговаривали.

Чарльз шутливо пнул Чэнь Цина под столом, призывая замолчать:

— Вечно ты суешь нос куда не надо! Своих дел мало, так ещё и за другими следишь.

Поморщившись, он почесал затылок и легкомысленно отмахнулся:

— Да если и повздорили, то уже помирились. Делов-то.

— Ну да, — хмыкнул Чэнь Цин. — Твоё мнение, как всегда, имеет исключительно ознакомительный характер.

Ли Гу промолчал, но на его лице отразилась глубокая задумчивость.

В последнее время это странное предчувствие становилось всё навязчивее. Порой ему и вовсе казалось, будто эти двое ведут себя как самая настоящая влюбленная парочка.

И всё же пазл не складывался. Если опираться на укоренившиеся в обществе стереотипы о гелях, ни Чэн Цзие, ни Юй Сингэ под этот образ не подходили.

Конечно, можно было спросить напрямую, но лезть с расспросами на основе одних лишь домыслов не хотелось — глупо выйдет, да и неловко.

В итоге Ли Гу лишь молча вздохнул, решив оставить эти мысли при себе.

Обсуждаемые ими виновники чужих сомнений ничего не замечали. Юй Сингэ усердно выискивал в черновике новой песни шероховатости, но композиция была выстроена безупречно.

Осознавая, насколько вырос уровень их коллектива, Сингэ внезапно поднял глаза на Чэн Цзие:

— Чэн-гэ, как думаешь... мы ведь прорвемся? Обязательно станем знаменитыми?

В его теплом взгляде светилась не только мягкая улыбка, но и та искренняя, ничем не замутненная гордость, которую он редко позволял себе показывать прежде.

Чэн Цзие на мгновение замер, но, поняв его мысль, уверенно улыбнулся:

— Обязательно.

С самого начала он чётко понимал, на какую стезю ступил. Единственным сомнением в его жизни оставались сложные, пока ещё неопределенные чувства к стоявшему перед ним парню. В остальном же Чэн Цзие был абсолютно уверен в своих силах — он просто привык держать характер и амбиции при себе.

«До чего же он хорош... Мужчина, которым невозможно не восхищаться»

Юй Сингэ прикусил губу, тщетно пытаясь сдержать рвущуюся наружу улыбку, и поспешно уткнулся в ноты.

Однако Чэн Цзие успел заметить эту мимолетную вспышку искренней радости в его глазах.

Сингэ легонько постучал карандашом по краю листа — от привычки грызть колпачок он, к счастью, уже избавился. Поколебавшись мгновение, он негромко произнес:

— Знаешь, Чэн-гэ, мне иногда кажется...

Он поднял голову и посмотрел на него с обезоруживающей серьезностью:

—...что твоя судьба — это долгий путь, усыпанный цветами. Ты рожден для триумфа.

Когда-то Чэн Цзие пожелал ему то же самое.

Эти слова прозвучали так искренне и весомо, что их внутренний свет мгновенно разогнал любые тени, таившиеся в глубине души.

Чэн Цзие замер, не в силах совладать с лавиной нахлынувших чувств. Юй Сингэ продолжал смотреть на него теплыми карими глазами, в которых отражалось больше сияния, чем во всем ночном небе над Цичэном.

Спустя долгую паузу Чэн Цзие мягко улыбнулся. Он взял карандаш и коснулся им раскрытой страницы, указав на строчку из новой песни. Изящным рукописным шрифтом там было выведено по-английски: * «Надеюсь, в тот день ты будешь со мной»*.

Юй Сингэ вчитался в строчку и тихо рассмеялся:

— Чэн-гэ, от таких слов у меня и сердце может екнуть.

Сложно было понять, шутит он или говорит всерьез.

На какой-то миг Юй Сингэ начисто позабыл, что он лишь второстепенный персонаж, которому книжным сюжетом предписано быть убежденным натуралом. Забыл, что на кардинальные перемены в этой истории способен только главный герой. Ему безумно захотелось наплевать на условности и признаться: его сердце действительно замирает.

Всё, что Чэн Цзие отдавал ему, он готов был вернуть сторицей.

А черноволосый вокалист в этот момент думал лишь об одном:

«Пусть твое сердце бьется сильнее. Именно этого я и добиваюсь»

Путь, усыпанный цветами.

Если так подумать, впереди у них целая вечность. Чем дольше Юй Сингэ будет оставаться рядом, тем больше у них шансов преодолеть невидимую черту.

И настанет день, когда он наконец-то сможет заключить этого человека в свои объятия.

До начала вечернего выступления оставалось еще прилично времени. За окнами сгущались сумерки. У входа Чарльз о чем-то шептался с Ли Гу. Очевидно, зайдя в тупик в споре, блондин с забавными косичками принялся вовсе коситься в сторону вокалиста и гитариста, после чего на его лице появилось редкое для него выражение глубокой думы.

Юй Сингэ едва заметно поморщился, гадая, какая нелепица опять пришла в голову их эксцентричному ударнику.

В зале смуглая девушка-бармен со спортивной фигурой с трудом тащила из погреба тяжелый ящик с колотым льдом. Заметив это, Юй Сингэ тут же поспешил на помощь, мгновенно выбросив из головы странные взгляды Чарльза.

Для тренированного Сингэ этот груз оказался сущим пустяком. В благодарность Анна, обворожительная мулатка, с улыбкой смешала ему авторский коктейль на основе текилы. Стекланный бокал с тихим стуком опустился на глянцевую поверхность барной стойки.

До выхода на сцену оставалось чуть больше получаса. Сингэ не торопясь разбавлял крепкий алкоголь газировкой — напиваться перед концертом было плохой затеей, так что он собирался сделать лишь пару символических глотков.

В этот момент на соседний стул бесцеремонно взгромоздился случайный посетитель. Проследив за манипуляциями гитариста, он без тени смущения вклинился в его уединение:

— Эй, парень! А ты в курсе, как правильно пить текилу?

Юй Сингэ поднял глаза и едва удержался от смешка. Гость выглядел, мягко говоря, экстравагантно: ярко-красный пиджак и нелепые зеленые очки в форме лягушачьих глаз. Такому персонажу больше подошло бы выступить в дешевом комедийном шоу, нежели сидеть в полумраке рок-бара.

Не дожидаясь ответа, незнакомец самодовольно продолжил, решив, что утер юнцу нос. Его приличное брюшко, обтянутое дешевой тканью пиджака, забавно колыхалось при каждом слове, а лягушачьи очки съезжали на кончик носа:

— По-нашему, по-американски! Ссыпашь соль на тыльную сторону ладони между большим и указательным пальцами, берешь дольку лимона, а в самую рюмку обязательно бросаешь гусеницу. Настоящую, сушеную! Опрокидываешь залпом — вот это я понимаю, классика!

Юй Сингэ вежливо помолчал секунду, прежде чем ответить:

— Мне сегодня нельзя много пить.

Мужчина удивленно окинул его взглядом с ног до головы:

— Ты что, малолетка?

Почесав затылок, он присмотрелся получше и своим профессиональным, наметанным глазом определил, что перед ним всё же совершеннолетний парень.

Сингэ не успел ответить — со сцены раздался истошный вопль Чарльза:

— Эй, А-Син, дуй сюда! Тут какой-то неподъемный ящик! Если не поможешь, я его просто ко всем чертям расколочу!

— У меня скоро выступление, — объяснил Юй Сингэ, сделав Чарльзу знак подождать пару минут. Затем он повернулся к своему нелепому собеседнику и с мягкой улыбкой добавил: — И кстати, если быть точным, гусениц кладут в мескаль, а не в текилу.

Эта байка про червяка на дне бутылки устарела еще в прошлом веке.

Воспользовавшись тем, что словоохотливый незнакомец растерянно завис, Сингэ ловко выскользнул из-за стойки.

Уже перед самым выходом на сцену он со смехом пересказал этот забавный диалог Чэн Цзие. Тот лишь негромко фыркнул:

— Видимо, старые мифы слишком живучи.

На губах вокалиста играла всё та же привычная ленивая полуулыбка. Юй Сингэ невольно залюбовался им.

Чэн Цзие выразительно приподнял бровь и качнулся вперед, сокращая и без того хрупкую дистанцию между ними. Их дыхание смешалось, а прядь мягких кудрей Сингэ случайно зацепилась за прямые темные волосы вокалиста:

— И откуда такие познания? Небось Анна просветила?

Слишком близко.

Горячее дыхание коснулось чувствительной кожи на шее. Юй Сингэ отчаянно пытался сохранить невозмутимый вид, хотя предательский румянец уже начал расплзаться по его скулам:

— Вообще-то я знал это давным-давно. В университете ходил на факультатив по культуре алкоголя.

«И всё-таки... до чего же он чертовски притягателен, когда ведет себя так»

Сингэ прищурился, и в их замерших взглядах отразилось нечто глубокое, волнующее и бесконечно двусмысленное.

Чэн Цзие на мгновение забыл о своем решении не торопить события. Соблазн был слишком велик, но он вовремя взял себя в руки — шутливо щелкнул Сингэ по лбу и мягко отстранился, возвращая их к безопасным границам.

— Ну вы где там застряли? — из-за кулис высунулся Чарльз, почесывая макушку. По счастливой случайности он пропустил всю пикантность момента.

Наэлектризованная атмосфера гримерки мгновенно разрядилась, словно лопнувшая тончайшая струна. Юй Сингэ обернулся и крикнул:

— Уже иду, только гитару захвачу!

Тонкое стекло бокала со звоном соприкоснулось с полированной поверхностью столика.

Присаживаясь на кожаный диванчик в VIP-зоне, Хэ И невольно обернулась на этот звук. За соседним столиком какой-то нелепый мужчина средних лет в лягушачьих очках разворачивал целую батарею стопок. Поморщившись, она отвела взгляд.

Её предложение поужинать вместе, сделанное Юй Сингэ, было лишь удобным предложением прощупать почву. Однако молодой гитарист вежливо, но твердо отказался.

Вспомнив об этом, Хэ И нахмурилась. Она вовсе не была из тех навязчивых особ, что любят навязываться мужчинам, просто уязвленное любопытство не давало ей покоя.

Главной причиной её интереса было то, что она никогда прежде не сталкивалась с геями вживую. Ей безумно хотелось расспросить Сингэ о некоторых вещах.

В баре царил полумрак, прорезаемый хаотичными вспышками стробоскопов. И хотя на сцене стоял Чэн Цзие — мужчина, к которому она когда-то испытывала нежные чувства, — Хэ И по-прежнему не выносила этот грохочущий рок. Её утонченной натуре была ближе изысканная классическая музыка.

«Хотя, надо признать, играют они действительно на высоте» — невольно отметила про себя преподавательница консерватории.

Тем временем её сосед за столиком снова привлек к себе внимание. С первыми аккордами вступительной песни уныние на лице странного мужчины мгновенно испарилось. Он рывком сорвал свои зеленые очки и забавно пошевелил ушами, настраиваясь на волну звука.

Не прошло и трех минут, как он принялся восторженно охать и качать головой. Его эмоции были настолько театральными, что Хэ И то и дело косилась в его сторону.

На кульминационной ноте глаза чудака восторженно расширились. Он судорожно полез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда потрепанный блокнот вместе с целой пачкой визиток. Быстро записывая что-то огрызком карандаша, он непрерывно бормотал под нос:

— Потрясающе... Боже мой, это же просто шедевр! Откуда они только взялись?!

Его высокопарные причитания заставили Хэ И скептически усмехнуться. Настоящий сумасшедший.

Она поспешила отвернуться. В конце концов, в подобных заведениях фриков всегда хватало.

Изящная и утонченная преподавательница игры на пипе выглядела здесь чужеродным элементом, но, вопреки собственным привычкам, она досидела до самого финала.

Когда стихли последние аккорды и погасли софиты, Хэ И сделала крошечный глоток коктейля, поймав себя на неожиданной мысли:

«А ведь в этом что-то есть»

Музыка, способная пробудить внутренний хаос и заставить сердце биться чаще, проникала в самые сокровенные уголки души.

В пестрой круговерти ночного клуба Хэ И даже не подозревала, что из темноты за ней пристально наблюдает пара немигающих глаз.

<http://bllate.org/book/18241/1765502>